

ДУРАКИ.

(Индійская сказка.)

Четверо браминовъ отправлялись на пиршество, какимъ въ извѣстныхъ случаяхъ обыкновенно угощаютъ добрые люди членовъ высшей касты. Вышли они изъ разныхъ деревень, но случайно встрѣтились на дорогѣ и, узнавъ, что все стремятся къ одной цѣли, согласились совершить это путешествіе вмѣстѣ. Дорогой брамины встрѣтились съ солдатомъ, который шелъ напротивъ ихъ. Солдатъ привѣтствовалъ браминовъ какъ слѣдуетъ, по обычаю: сложивъ руки и поднеся ихъ ко лбу, онъ сказалъ:

— Привѣтствую васъ.

Брамины разомъ отвѣчали:

— Да благословить тебя Господь!

Неподалеку отъ того мѣста брамины увидѣли источникъ чистой воды. Подойдя къ нему, они утолили жажду и легли отдохнуть подъ тѣнью дерева. Умъ ихъ не пред-

лагалъ большихъ средствъ для разговора, и потому они молчали. Вдругъ одинъ изъ нихъ прервалъ молчаніе такими словами:

— А вѣдь надо признаться, что солдатъ, котораго мы сейчасъ повстрѣчали, очень вѣжливый и благочестивый человекъ. Замѣтили ли вы, какъ онъ тонко отличилъ меня отъ всѣхъ и съ какой вѣжливостью привѣтствовалъ меня?

— Да онъ совсѣмъ не васъ привѣтствовалъ, возразилъ браминъ, сидѣвшій поближе: — ко мнѣ одному относился его вѣжливый привѣтъ.

— Оба вы ошибаетесь, подхватилъ третій браминъ: — могу васъ увѣрить, что эта дань почтительной вѣжливости относилась только ко мнѣ. Доказательство тому явно: солдатъ, произнося свое привѣтствіе, обратилъ глаза на меня.

— И совсѣмъ неправда! воскликнулъ четвертый браминъ: — онъ поклонился мнѣ одному; а еслибъ не такъ, не-ужто я сталъ бы говорить ему: да благословить тебя Господь?

Споръ затѣялся, и дошло-было до рукопашной. Къ-счастью, одному изъ четырехъ браминовъ не захотѣлось, чтобы ссора изъ-за пустяковъ достигла до такого размѣра: видно, этотъ былъ все-таки не такой дуракъ, какъ остальные. Онъ остановилъ драку такимъ миѣніемъ:

— Къ чему доходить намъ до такой ярости? Ругательства и драка не рѣшатъ нашей ссоры. Вѣдь солдатъ-то, попавшійся намъ на дорогѣ, не могъ уйти далеко. Кому же лучше рѣшить наше сомнѣніе, какъ не ему? Повернемъ же назадъ и догонимъ его. Вотъ мы и узнаемъ отъ него самого, кого онъ хотѣлъ отличить своимъ привѣтомъ.

Совѣтъ оказался очень-мудрымъ и достойнымъ послѣдованія. Всѣ вчетверомъ бросились въ погоню за солдатомъ. Задыхаясь отъ усталости, брамины наконецъ нагнали солдата за милю разстоянія отъ того мѣста, гдѣ встрѣтились съ нимъ. Догнавъ его, они поспѣшили изложить причину своей ссоры, прося его положить конецъ этой распрѣ, прямо объявивъ, къ кому изъ четырехъ относился его почтительный привѣтъ.

Солдатъ вполне смекнулъ съ кѣмъ имѣеть дѣло. Захотѣлось ему подшутить надъ простотой браминовъ. Сохраняя удивительное спокойствіе, онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ:

— А вотъ слушайте: я поклонился тому, кто изъ васъ самый большой дуракъ.

Тутъ солдатъ отвернулся отъ браминовъ и пошелъ своей дорогой.

Брамины тоже вернулись по своей дорогѣ и нѣсколько минутъ шли молча. Крѣпко запало имъ въ душу почтительное привѣтствіе солдата, и вскорѣ распря между ними по этому поводу загорѣлась еще сильнѣе. Каждый изъ нихъ основывалъ свои доказательства на приговорѣ самого солдата; каждому чрезвычайно-лестно казалось заслужить наименованіе самаго большаго дурака.

Со всѣхъ сторонъ права на преимущества новаго рода защищались съ такимъ упорствомъ и запальчивостью, что схватка въ рукопашную казалась неизбежною. Но браминъ, остановившій первую схватку, придумалъ и теперь средство укротить ярость своихъ спутниковъ.

— Я имѣю основаніе полагать, сказалъ онъ: — что я самый большой дуракъ на свѣтѣ, а каждый изъ васъ считаетъ себя еще большимъ дуракомъ, чѣмъ я. Не-ужто

мы можемъ рѣшить вопросъ, кому изъ насъ принадлежитъ первенство, тѣмъ, что станемъ колотить другъ друга доупада? Послушайте моего совѣта: перестанемъ спорить. Вонъ деревня передъ нашими глазами: пойдемъ туда прямо въ судъ и попросимъ тамошнихъ судей произнести надъ нами приговоръ.

Обдумавъ такой мудрый совѣтъ, ни одинъ изъ браминовъ не отказался послѣдовать ему.

Минута была самая благопріятная: все присутствіе ужé собралось въ судъ, а именно въ этотъ день не оказалось ни одного дѣла важнѣе предлагаемаго. Брамины въ ту же минуту получили аудіенцію и были приглашены изложить свое дѣло.

Одинъ изъ нихъ сталъ передъ судилищемъ и, не отлагая ни малѣйшей подробности, рассказалъ все дѣло, начиная отъ поклона солдата до его двусмысленнаго отвѣта.

Нѣсколько разъ хохотъ всего присутствія прерывалъ этотъ рассказъ. Предсѣдатель, человѣкъ чрезвычайно-веселаго нрава, очень обрадовался случаю позабавиться. Вооружась самымъ судейскимъ видомъ и бросивъ суровый взглядъ на присутствующихъ, онъ держалъ такую рѣчь тяжущимся:

— Такъ-какъ вы странники и неизвѣстны никому въ нашемъ округѣ, то нѣтъ возможности доказать справедливость факта посредствомъ улики свидѣтелей. По моему мнѣнію, вамъ остается единственное средство указать настоящій путь вашимъ судьямъ: каждый изъ васъ поочереды обязанъ рассказать намъ событіе своей жизни, ясно доказывающее несомнѣнность вашей глупости. Выслушавъ всѣхъ васъ съ достоюдолжнымъ вниманіемъ, мы произнесемъ приговоръ, кому изъ васъ принадлежитъ первенство и, слѣдовательно, кому изъ васъ принадлежитъ исключительное привѣтствіе солдата.

Челобитчики выразили свое удовольствіе на такое рѣшеніе.

Предсѣдатель подаль знакъ начинать.

Приблизился браминъ, на которомъ одежда состояла изъ лохмотьевъ.

— „Не съ нынѣшняго дня ношу я эти лохмотья, началъ онъ. — Лохмотья эти ведутъ начало съ событія, которое я намѣренъ рассказать вамъ. Богатый купецъ, милостивый до браминовъ, подарилъ мнѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, два куска самага тонкаго, превосходнаго полотна. Я хвастался этимъ полотномъ предъ всѣми пріятелями, и всѣ не могли довольно налюбоваться имъ. Они толковали, что это награда за добрыя дѣла моихъ предковъ. Слѣдуя обычаю, прежде всего я принялся мыть мое полотно, чтобъ очистить его отъ прикосновеній ткача и купца. Вымывъ полотно, я развѣсилъ его на вѣтвяхъ дерева за оба конца, чтобы высушить. Вотъ оно и сушилось. Вдругъ откуда ни возмись собака пробѣжала подъ деревомъ. Только собаку-то я увидалъ тогда, какъ она ужé пробѣжала, а потому и не могъ знать, коснулась ли она моего полотна, или нѣтъ: коснулась, такъ, стало, осквернила его своимъ прикосновеніемъ. Я сталъ распрашивать у дѣтей; но дѣти отвѣчали, что они не вздумали посмотреть. Какъ тутъ быть, какъ пояснить это сомнѣніе? Вотъ я и придумалъ: сталъ на четверенькахъ, поджался, чтобъ не быть выше собаки, и пробѣжалъ по-собачьему подъ

полотномъ. „Прикоснулся-ли?“ спросилъ я у дѣтей, смотрѣвшихъ за мной. „Нѣтъ!“ отвѣчали они. Я вспрыгнулъ отъ радости, — однако, одумался маленько: собака-то держитъ хвостъ торчмя, — стало-быть хвостомъ могла задѣть мое полотно. Чтобы покончить съ новымъ мучительнымъ сомнѣніемъ, я взялъ серпъ и привязалъ его навыворотъ къ оконечности спины и опять произвелъ новый опытъ на четверенькахъ, а ребятакамъ своимъ строго-на-строго наказалъ внимательно присматриваться. На этотъ разъ они объявили мнѣ, что серпъ чуть-чуть коснулся краешка полотна. Не оставалось болѣе сомнѣнія: собака, навѣрное, также коснулась края моего полотна. Бѣшенство помрачило мнѣ рассудокъ: я схватилъ оба куска и изорвалъ ихъ мелко-на-мелко. Скоро это происшествіе разнеслось вѣюду. Всѣ стали величать меня дуракомъ.

— „А хоть бы и взаправду, говорилъ мнѣ одинъ: — собачій хвостъ коснулся твоего полотна: развѣ нельзя было вымыть его въ другой разъ?“

— „Не лучше ли, толковалъ другой: — не лучше ли было отдать это полотно какому-нибудь нищему, чѣмъ рвать его на мелкіе куски? Ну, кому захочется въ другой разъ подарить тебѣ одежду, послѣ такого дурачества?“

„Замѣчаніе это вполнѣ оправдалось. Съ этого времени, когда я прошу себѣ подаянія во что одѣться, всегда слышу одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— „Что проку подавать тебѣ одежду? развѣ за-тѣмъ, чтобы ты рвалъ ее въ куски? Когда браминъ покончилъ свою исторію, одинъ изъ присутствующихъ спросилъ у него:

— А вы, вѣрно мастеръ ходить на-четверенькахъ?

— Да ужъ лучше меня никому не сдумѣть, отвѣчалъ браминъ. — Вотъ, сами посмотрите.

Съ этими словами браминъ сталъ на-четвереньки и раза три обѣжалъ залу, при общемъ смѣхѣ присутствующихъ.

— Довольно, сказалъ предѣдатель. — Все, что мы слышали и видѣли, достаточно свидѣтельствуеетъ въ вашу пользу; однако, чтобы произнести приговоръ, слѣдуетъ выслушать доказательства и другихъ челобитчиковъ.

Выступилъ другой браминъ.

— „Такъ-какъ я женился на маленькой дѣвочкѣ, то она оставалась въпродолженіе шести, или семи лѣтъ въ домѣ своихъ родителей. Наконецъ, родители ея дали знать моимъ родителямъ, что она достигла возраста. Домъ моего тестя находился въ шести, или семи миляхъ отъ нашего жилища. Мать моя захворала и никакъ не могла сама пуститься въ этотъ путь. Вотъ она и послала меня самого за женой, строго наказывая мнѣ вести себя какъ-можно осторожноѣе, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не выказывать передъ добрыми людьми недалности моего ума.

— „Зная твою недалность, покончила мать, провожая меня: — я очень побаиваюсь, чтобы ты не надѣлалъ тамъ глупостей.

„Я далъ ей слово вести себя осторожно, сообразно ея увѣщаніямъ, и пустился въ путь. Тестъ отлично принялъ меня, задалъ великолѣпный пиръ и пригласилъ всѣхъ тамошнихъ браминовъ. Наконецъ, наступилъ день, когда мы съ женой должны были отправиться въ путь. Отпуская насъ, отецъ ея сопровождалъ насъ тысячами благословеній и проливалъ источники слезъ, въ послѣдній разъ прощаясь съ нами, какъ-будто предчувствуя, какое несчастіе грозило его бѣдной дочери. Въ это время наступили самые жаркіе дни. Намъ надо было проходить болѣе двухъ миль по бесплодной степи. Раскаленный песокъ отъ лучей знойнаго солнца жегъ подошвы моей молоденькой спутницы, изнѣженной въ домѣ родительскомъ и не привыкшей къ подобнымъ трудамъ. Она стала плакать. Я взялъ ее за руки, стараясь ободрить, какъ умѣлъ. Но вскорѣ силы оставили ее: она легла на землю, рѣшившись лучше умереть. Велико было мое замѣшательство! Я съѣлъ возлѣ жены и не зналъ, на что рѣшиться. Въ это время показался на дорогѣ купецъ, гнавшій большое стадо быковъ, нагруженныхъ товарами. Я тотчасъ побѣжалъ къ нему и, рассказавъ свое горе, умолялъ его не оставить меня своимъ совѣтомъ. Купецъ подошелъ къ моей женѣ и внимательно разсматривалъ ее, потомъ сказалъ, что, по всему видному, жизнь моей жены въ опасности отъ этого томительнаго жара и что для нея все-равно вредно, останется ли она на мѣстѣ, или пойдетъ далѣе.

— „Чѣмъ подвергать себя горю видѣть, какъ она будетъ умирать въ твоихъ глазахъ, да еще, пожалуй, скажутъ, что ты нарочно убилъ ее, гораздо-лучше будетъ, если ты отдашь твою жену мнѣ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ. Я посажу ее на одного изъ быковъ и увезу: такимъ образомъ она избѣгнетъ вѣрной смерти. Конечно, для тебя она ужѣ навсегда потеряна, за-то, по крайней-мѣрѣ, за тобой останется заслуга, что, по твоей милости, она сохранила жизнь. На ней нарядовъ рублей на сто: вотъ тебѣ сто-двадцать-пять рублей; а ты отдай ее мнѣ.

„Совѣтъ купца показался мнѣ такимъ убѣдительнымъ, что и возражать было нечего. Я получилъ деньги; а купецъ взялъ на руки мою жену, посадилъ ее на быка и поспѣшно продолжалъ свою дорогу, я же отправился по своей. Домой пришелъ я поздно. Ноги у меня горѣли отъ раскаленнаго песку, по которому шель я цѣлый день:

— „А гдѣ твоя жена? спросила мать, съ удивленіемъ увидѣвъ меня одного.

„Я принялся рассказывать ей все въ подробности, какъ было дѣло, съ-тѣхъ-поръ, какъ я ушелъ изъ дому, и потомъ разложилъ передъ матерью сто-двадцать-пять рублей, полученныхъ отъ купца. Отъ негодованія и ярости у моей матери какъ-будто языкъ отнялся и сама она словно въ камень превратилась. Но вскорѣ скрытная ярость нашла исходъ. Мать моя не находила довольно-сильныхъ словъ, чтобы ругать и позорить меня.

— „Дуракъ ты этакой! подлець ты! кричала она: — продалъ свою жену! самъ отдалъ ее другому! благородную дѣвушку отдалъ въ рабыни гнусному торгашу! Что

скажутъ теперь добрые люди, что скажутъ родные этой несчастной, что скажетъ наша родня, какъ узнаютъ о такомъ позорѣ? Ну, кто повѣритъ, что можетъ быть на свѣтѣ такой дуракъ?

„При этой вѣсти, родственники моей жены сбѣжались къ намъ, вооруженные палками, съ намѣреніемъ колотить меня, пока не выйдетъ изъ меня духъ вонъ. Такъ бы и пришлось мнѣ умереть подъ палками, да и бѣдной матери моей тоже, хоть она была тутъ ни въ чемъ не виновата; но мы успѣли скрыться отъ мщенія родственниковъ. Видя, что самимъ не расправиться со мной, они подали на меня жалобу начальникамъ касты; а тѣ единодушно осудили меня, приговоривъ заплатить пеню въ тысячу рублей. Кромѣ-того, запрещено было, подъ опасеніемъ исключенія изъ касты, дать другую жену такому дураку, какъ я. Такимъ-образомъ, я осужденъ на вѣчное вдовство“.

Присутствіе рѣшило, что это событіе, дѣйствительно, говоритъ въ пользу рассказчика, однако, не хотѣло произнести приговора прежде, чѣмъ выслушаетъ остальныхъ браминовъ.

У третьяго такъ и чесался языкъ, чтобъ рассказать про свою удачу. Онъ началъ такъ:

— „Чтобы приличнымъ образомъ явиться на званый пиръ, которымъ благочестивые люди хотѣли угостить браминовъ, я сказала женѣ, чтобъ она заплатила цырульнику. Она, по вѣтренности, дала ему не одну копѣйку, какъ слѣдовало, а двѣ. Тщетно я требовала, чтобы цырульникъ возвратилъ мнѣ лишнее: онъ и слышать не хотѣлъ. Сколько силъ хватало, я настаивала на своемъ; а онъ упорно стоялъ въ своемъ. Споръ нашъ разгорячался; доходило уже до бранныхъ словъ. Вдругъ цырульникъ притихъ и ласково сказалъ:

— „Мы можемъ помириться, если хотите. За эту лишнюю копѣйку я, пожалуй, обрѣю голову и у вашей жены: счетъ нашъ и будетъ поконченъ.“

— „А вѣдь ты правъ, сказалъ я, подумавъ немного: — средство, предлагаемое тобой, разомъ рѣшитъ нашу распрю, и никому не будетъ обидно.“

„Какъ услышала жена мои эти слова, такъ сейчасъ же хотѣла бѣжать; но я схватила ее, словно шерсть снялъ съ овечки. Между-тѣмъ, жена моя вопила во все горло, изрыгая потоки проклятій на насъ обоихъ. Пускай себѣ покричитъ: легче мнѣ видѣть ее обритою, чѣмъ уступить подлецу цырульнику копѣйку, которой онъ не заслужилъ. Жена моя, лишившись волосъ, убѣжала спрятаться отъ стыда и позора, чтобъ никто не видалъ ее. Цырульникъ тоже улепетнулъ, но, встрѣтивъ на улицѣ мать мою, поспѣшилъ рассказать ей о томъ, что случилось предъ его глазами. Мать моя прибѣжала удостовѣриться въ истинѣ. Увидавъ свою невѣстку совершенно обриту, она стояла нѣсколько минутъ, какъ оцепенѣлая. Но вскорѣ возвратился ей языкъ, чтобъ покрыть меня ругательствами и укоридами. Все это вынесъ я смирнехонько, потому-что начиналъ понимать, что дѣло неладно. Мошенникъ цырульникъ, находя злобное удоволь-

ствіе разглашать эту исторію, сдѣлалъ меня басней цѣлаго города. Злые языки, подхвативъ его разказъ, преувеличили до того, что вышло, будто я жену мою приказалъ обречь въ наказаніе за дурное поведеніе. Откуда ни возьмись толпа у моего дома: привели осла, чтобъ посадить мнимую преступницу и возить по улицамъ. Мигомъ эта вѣсть дошла до родителей моей жены. Они сбѣжались ко мнѣ. Можете представить себѣ какого шума надѣлали они, увидавъ свою дочь, доведенную до такого положенія! Прикрывъ ее покрываломъ, во избѣжаніе незаслуженнаго позора, родные увели ее домой. Только послѣ четырехъ лѣтъ они согласились снова отдать ее мнѣ... По милости этой окаянной глупости, я пропустилъ праздникъ и не былъ на пиру, приготовляясь къ которому постился четыре дня. Горе мое было еще горьче, когда я узналъ послѣ, что пиръ былъ на славу и топленого масла было ѣшь-не-хочу... Нѣсколько времени спустя давали другой пиръ, и я имѣлъ неосторожность отправиться туда. Какъ-только показался я въ собраніе болѣе чѣмъ восьмисотъ браминовъ, раздался шумъ-гамъ. Меня схватили и объявили, что до-тѣхъ-поръ не возвратятъ мнѣ свободы, пока я не выдамъ имъ сообщника моей жены, для того, чтобъ наказать его по всей строгости законовъ, въ примѣръ другимъ. Съ клятвой утверждалъ я, что самъ былъ единственнымъ преступникомъ, и публично признался въ настоящей причинѣ, побудившей меня къ такому поступку. Остолбенѣли мои слушатели.

— „Слыханное ли дѣло! воскликнули они, съ удивленіемъ посматривая другъ

на друга: — слыханное ли дѣло обрѣчь свою жену, которая никогда не провинялась противъ закона чести? Что-нибудь одно: или онъ лжець, или во всей вселенной не найдется другаго такого ужаснаго дурака!

„Надѣюсь, докончилъ свою исторію рассказчикъ: — надѣюсь что вы раздѣляете съ ними это мнѣніе и отдадите мнѣ должное преимущество надъ моими собратьями“.

Очень-знаменательно показалось это событіе присутствующимъ членамъ; однако, несправедливо было бы отдавать первенство не выслушавъ четвертаго челобитчика, который и приступилъ къ такому повѣствованію.

— „Манавъ было нѣкогда мое имя; теперь же я извѣстенъ подъ именемъ Бетель-Манавъ. Вотъ по случаю какого событія заслужилъ я такое прозвище. Около мѣсяца уже жила со мной жена, до того времени жившая въ домѣ своихъ родителей, послучаю своей крайней молодости. Разъ вечеромъ, ложась спать, не помню по какому поводу, я сказалъ ей, что всѣ женщины болтуньи. На это она съ живостью и не задумавшись возразила, что знаетъ нѣкоторыхъ мужчинъ, которые, по-крайней-мѣрѣ, такіе же болтуны, какъ женщины. Я тотчасъ догадался, что жена намекаетъ на меня, и это задѣло меня заживое.

— „Хорошо, сказалъ я ей: — посмотримъ, кто изъ насъ заговоритъ первый.

— „Ладно, отвѣчала жена: — попробуемъ. А что, сколько проигрыша, въ чемъ закладъ?

— „Да листъ бетеля *).

„Извѣстно, что на полушку можно купить тридцать, или сорокъ листовъ бетеля. Такимъ-образомъ, побившись объ закладъ, мы заснули, не произнеся ни слова. На другой день солнышко уже давно взошло, а мы не показывались изъ нашей спальни. Домашніе стали беспокоиться. Кличутъ насъ по имени — нѣтъ отвѣта! зовутъ еще громче — тоже молчаніе! стучать въ дверь, что было силъ — все понапрасну! Во всемъ домѣ поднялась суматоха, всѣ переполошились, думали, ужъ не умерли ли мы оба отъ удара. Послали за плотникомъ. Тотъ прибѣжалъ со своими инструментами и выломалъ дверь. Каково жъ было общее удивленіе, когда увидѣли, что мы преспокойно сидимъ другъ противъ друга, повидимому, живехоньки и здоровехоньки, только оба совершенно онѣмѣли. Какъ ни старались заставить насъ заговорить, мы были нѣмы. На плачь моей матери сбѣжались всѣ мѣстные браминны. Въ домѣ не было пустаго мѣста отъ народа. Всякій толковалъ по-своему о случившемся бѣдствіи; но всѣ вообще сошлись въ мнѣніи, что злые люди, тайные враги, испортили насъ. Убѣжденные въ томъ, мои родители послали за ближайшимъ колдуномъ, чтобы онъ снялъ съ насъ чары. Пришелъ колдунъ, выпучилъ на насъ свирѣпыя глаза, потомъ обвелъ вокругъ насъ чародѣйскій кругъ, ворча про-себя страшную чепуху, и ощупывалъ у насъ пульсъ въ разныхъ частяхъ тѣла, сопровождая это такими уморительными кривляніями, что я и

*) Бетель — растеніе, которое жуютъ восточные жители.

теперь безъ смѣха не могу вспомнить о томъ. Наконецъ, колдунъ объявилъ, что мы, точно, околдованы и даже назвалъ имя чорта, который вселился въ насъ. А такъ-какъ этотъ чортъ, по словамъ колдуна, ужасно-упрямъ и настойчивъ, то потребуетъ много возни, чтобы выжить его, такъ-что издержки на одни жертвоприношенія и на другія случайныя церемоніи, для скорѣйшаго успѣха, будутъ стоить двадцать-пять рублей. Родители мои, люди небогатые, испугались, услышавъ требованіе такой большой суммы. Однако, не оставляя же меня и жену мою нѣмыми на цѣлую жизнь! Дѣлать нечего: бѣдняжки согласились на условія колдуна, даже обѣщались прибавить отъ себя приличный подарокъ, если онъ возвратитъ намъ даръ слова. Колдунъ располагался-было начинать свои заклинанія, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ старшихъ друзей сталъ увѣрять всѣхъ, что мы совсѣмъ не заколдованы, а просто захворали, и что онъ видалъ много примѣровъ подобныхъ болѣзней и беретъ вылечить насъ непременно, такъ-что это не будетъ стоить ни копейки. Онъ приказалъ принести жаровню съ горячими углями и добылъ кусочекъ золота. Накаливъ докрасна золото и держа его щипцами, другъ нашъ прикладывалъ его мнѣ то къ подошвѣ, то повыше локтя, подъ ложечку и наконецъ на самую маковку головы. Я вытерпѣлъ эту страшную пытку не моргнувъ, не заохавъ: лучше умереть, чѣмъ проиграть закладъ!

— „Попытаемъ наше средство надъ женой, сказала лукавый операторъ, нѣсколько озадаченный моимъ упорствомъ, и, приблизясь къ женѣ моей, приложилъ ей

раскаленное золото къ подошвѣ. Но, при первомъ ощущеніи жара, она отдернула ногу и вскрикнула:

— „Довольно, довольно! потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавила: — я проиграла закладъ! вотъ тебѣ листъ бетеля.

„На это я закричалъ:

— „Вотъ видишь ли, не правду ли я сказалъ, что ты первая заболтаешь? Вотъ на тебѣ и оправдываются мои слова, которыя я сказалъ вчера, ложась спать, что женщины болтуны.

— „Ладно, возразила жена: — только ужъ я теперь съ тобой ни за что не буду биться объ закладъ.

„Остолбенѣли присутствующіе, не могли въ толкъ взять дѣло; но я объяснилъ имъ, что это значитъ.

— „Вотъ неслыханное дурачество! воскликнули тогда всѣ въ одинъ голосъ. — Ну, видано ли это когда на свѣтѣ: взбаламутить, переполошить цѣлый кварталъ, позволить прижигать себя съ головы до ногъ изъ-за какого-нибудь листа бетеля!... Нѣтъ! въ цѣломъ мірѣ не найти другаго такого безмозглаго дурака.

„Съ-тѣхъ-поръ меня иначе не называютъ, какъ Бетель-Манава“.

Послѣ зрѣлаго обсужденія дѣла, присутствующее собраніе положило рѣшеніе такого рода, такъ-какъ всѣ четыре представившіея челобитчика изложили неоспоримыя доказательства своей глупости, и такъ-какъ всѣ вчетверомъ имѣютъ равныя и неоспоримыя права на первенство въ этомъ родѣ, то каждый изъ нихъ получаетъ лично привилегію называться самымъ большимъ дуракомъ на свѣтѣ и, стало-быть принять на свой собственный счетъ привѣтствіе солдата.

— Всѣ вы вчетверомъ выиграли процессъ, объявилъ имъ президентъ: — а потому идите съ миромъ и продолжайте путь вашъ въ мірѣ, если это для васъ возможно.

Изыявивъ свое удовольствіе на такой справедливый приговоръ, путешественники удалились, стараясь перекричать другъ друга въ радостныхъ восклицаніяхъ:

— Я выигралъ, я выигралъ мое дѣло!

